

Янь Юйсюань, разумеется, старался показать себя с лучшей стороны и опрокидывал чарку за чаркой, однако даже после нескольких порций в нём не было ни капли хмеля.

Неужели этот парень настолько вынослив?

Если продолжать его спаивать, даже такой беспечный человек, как Янь Юйсюань, рано или поздно заподозрит неладное.

Здоровье Чу Е оставляло желать лучшего, он мог позволить себе лишь немного пригубить, но ради достижения цели, чтобы не вызвать подозрений, ему пришлось взять чарку и осушить несколько раз подряд. В итоге Янь Юйсюань, не выдержав, перехватил его руку.

— Ваше Высочество, — Янь Юйсюань, слегка захмелев, с алым румянцем на щеках и ушах, мягко и вкрадчиво произнес, удерживая его ладонь, — я знаю, что сегодня вы в прекрасном расположении духа, раз заполучили такую красавицу, но вино вредит здоровью, лучше знать меру.

Чу Е пил посредственно, к тому же тело прежнего владельца было слабым, так что сейчас хмель действительно ударил ему в голову. Услышав нравоучения, он невольно почувствовал раздражение.

— Я не пьян, я еще могу пить!

Янь Юйсюань был гулякой, но не дураком. Он смутно догадывался, что князь намеренно пытается его спойть, но в то же время искренне переживал, что, если так пойдет и дальше, здоровью Чу Е придет конец.

Неужели князь и правда хочет насладиться добычей в одиночку?

Но если это так, зачем было приглашать его?

Ладно, не смотреть же, как человек допивается до беды.

Янь Юйсюань прищурился, потер пальцами переносицу и, икнув, заплетающимся языком произнес:

— К-князь не пьян, это я... я, верно, перебрал... ик!

С этими словами Янь Юйсюань рухнул лицом на стол и потерял сознание, а чарка, которую он держал в руке, опрокинулась, разлив вино по столу.

Чу Е, сам уже порядком захмелевший, толкнул его, окликнул пару раз, но в ответ раздалось лишь невнятное бормотание.

Похоже, отключился. Если бы этот человек не набрался, Чу Е сам бы уже свалился с ног!

Разобравшись с Янь Юйсюанем, Чу Е не забыл взглянуть на двух братьев, сидевших в другом конце комнаты.

Глаза Цзян Вэньшэна подернулись мутной пеленой, он лежал на столе в стельку пьяный. А вот Цзян Вэньцзин, если не считать раскрасневшегося лица, выглядел как ни в чем не бывало, и в его черных блестящих глазах не было ни намека на опьянение.

Однако, поскольку приказа остановиться не поступало, он продолжал методично наполнять чарку. У его ног уже выстроилось пять или шесть пустых кувшинов.

С каких пор бедные ученые стали так много пить?

Впрочем, они на удивление послушны: велено пить — пьют не жалея сил, даже не пытаются притворяться.

Раз напоить их не удастся, Чу Е решил пустить в ход свой последний козырь.

Он пьяно приказал танцорам и музыкантам прекратить выступление и велел им убираться прочь.

Когда посторонние ушли, Чу Е поднялся, но его ноги подкосились, и он зашатался.

Цзян Вэньцзин, сидя у стола, не отрывал от него прямого, немигающего взгляда, даже не пытаясь помочь.

Короткий путь показался бесконечным, и Сюань Я, прятаясь в тени, опасаясь, что князь упадет, поспешно выскочил из укрытия и подхватил его.

— Осторожнее, хозяин.

Чу Е приподнял веки и искоса взглянул на него:

— М? Едва... едва не забыл про тебя...

Сюань Я, скрытый маской, опустил глаза, не смея больше проронить ни слова.

— У-ходи! Без приказа не смей показываться, — Чу Е оттолкнул его, не забыв добавить угрозу:
— И не смей подслушивать или подглядывать!

Сказав это, он почувствовал резкую боль в животе и спазм в горле — его не на шутку замутило.

Все-таки он переоценил возможности этого тела...

Сюань Я заметил неладное и хотел помочь, но, будучи связанным приказом князя, вынужден был подчиниться. Напоследок он бросил предупреждающий взгляд на Цзян Вэньцзина и скрылся в тени.

Чу Е вовсе не хотел придраться, он лишь опасался, что все пойдет прахом. В конце концов, такие ошибки, как баги, не должны быть обнаружены.

Прогнав Сюань Я, Чу Е подошел к Цзян Вэньцзину, схватил его за подбородок и решил придраться:

— Почему ты не пьян? Притворяешься? Совсем не пил, что ли?

Цзян Вэньцзин не ответил, лишь поднял чарку, доказывая свою честность.

Он осушил еще несколько порций, но по-прежнему не выказал ни капли опьянения.

Чу Е занервничал, подозревая, что с вином что-то не так. Его мозг, уже затуманенный алкоголем, не мог мыслить трезво, и он, схватив Цзян Вэньцзина за запястье, вцепился зубами в чарку, которую тот подносил к губам.

Их лица оказались так близко, что их носы почти соприкоснулись. Красивые, поразительные черты лица Цзян Вэньцзина заполнили всё поле зрения Чу Е: алые щеки, безупречная, словно нефрит, кожа, густые ресницы, под которыми скрывались подернутые влагой янтарные глаза.

Рядом с янтарем глаз алела точка, которая подрагивала, когда он смыкал губы.

Как мужчина может быть настолько хорош собой?

Цзян Вэньцзин никогда не судил людей по внешности, тем более что характер Чу Е был виден как на ладони, но сейчас, глядя ему прямо в лицо, он словно околдованный не мог отвести глаз.

Привыкнув к высокомерным и презрительным взглядам Чу Е, он был поражен этим соблазнительным выражением — это казалось... странным.

Алкоголь ударил Чу Е в голову, он все еще подозревал, что вино поддельное, но острый вкус обжег язык, и, увидев, что Цзян Вэньцзин даже глазом не моргнул, он невольно округлил глаза.

Это вино оказалось даже крепче того, что пил он сам!

— Тьфу, тьфу! — Чу Е высунул кончик языка и, сверкая покрасневшими глазами, рявкнул: — Ты... ик! Хватит пить!

Градус у этого напитка был нешуточный, нормальный человек такое бы не вынес — полбутылки сбили бы с ног любого. Кто бы мог подумать, что Цзян Вэньцзин окажется таким крепким орешком, что даже после нескольких кувшинов не изменится в лице!

Разве это нормальный человек?

Да он, должно быть, винный кувшин, принявший человеческий облик!

Слова Чу Е подействовали, и Цзян Вэньцзин послушно опустил чарку.

Конечно, Чу Е был слишком пьян, чтобы заметить, но если бы он присмотрелся, то понял бы, что Цзян Вэньцзин тоже почти на пределе: его уши и шея давно залились густым румянцем, он лишь из последних сил сохранял бдительность, боясь вырубиться.

— Какие будут дальнейшие распоряжения, Ваше Высочество?

Распоряжения?

Какие еще распоряжения? Конечно же, всем по домам, к своим делам!

Но сказать он этого не мог, иначе все выпитое вино пошло бы насмарку.

Чу Е потянул за воротник, стеснявший дыхание, и тяжело выдохнул:

— Сам знаешь, о чем спрашиваешь.

Цзян Вэньцзин опустил ресницы, скрывая эмоции, и его голос, доносившийся до Чу Е, казался то близким, то далеким:

— Разве Ваше Высочество в таком состоянии еще на что-то способно?

Чу Е потребовалось время, чтобы осознать смысл сказанного. Его лицо и шея вспыхнули еще сильнее, и он заговорил торопливо:

— Ты, книжник, как можешь быть таким бесстыдным?

Цзян Вэньцзин усмехнулся, словно услышал величайшую глупость:

— Куда уж мне до Вашего Высочества.

Чу Е был пьян, но все еще мог отличить добрые слова от насмешки. Он открыл рот, чтобы возразить, но в последний момент вспомнил о своем статусе. Он фыркнул, и в его голосе прорезалось высокомерие:

— Я князь! Что хочу, то и делаю, кто посмеет осудить? Меньше, меньше пустой болтовни, бери своего брата и укладывай его спать!

Его слова вызвали лишь отвращение. Цзян Вэньцзин, в котором до этого момента теплилось странное чувство к князю, вновь ощутил лишь глубокую неприязнь.

Чу Е было абсолютно все равно, он только и ждал, чтобы тот возненавидел его как следует и в будущем начал стремиться к большему!

Как бы Цзян Вэньцзин ни противился, ситуация была предreshена, и он не мог отказать. Его взгляд встретился с покрасневшимся лицом Чу Е, и глаза его потемнели.

У Чу Е не было сил следить за его выражением лица, он лишь торопил его поскорее отвести брата в спальню, а пока тот помогал Цзян Вэньшэну подняться, тайком вытащил из рукава пакетик с порошком и подсыпал его в чай.

<http://bllate.org/book/22477/2367713>